

Барышня Лопухина.

(Разсказъ изъ архива).

I.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ Серпуховской части города Москвы, въ собственномъ домѣ, имѣвшемъ при себѣ до десяти десятинъ земли и, по опекунской оцѣнкѣ, стоившемъ по тому времени 50 т. рублей, проживала барышня дочь умершаго гвардіи капитана, дѣвица Анна Николаевна Лопухина, судьба которой долго занимала и волновала и высшіе слои Москвы, и народныя низы, а затѣмъ дѣло сдѣлалось достояніемъ архива...

Въ 1797 году, свѣтлый праздникъ Пасхи Первопрестольная столица встрѣчала и готовилась къ нему, не только съ обычной предпраздничной суетой, но и съ усиленнымъ волненіемъ особаго рода. Въ свѣтлый день праздника Пасхи этого года назначено было верховной властью совершеніе священнаго коронованія Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ первопрестольную изъ сѣверной столицы доходили слухи о строгостяхъ вступившаго на престолъ Монарха и о ежедневномъ паденіи Екатерининскихъ „великолѣпныхъ“ вельможъ, удаляемыхъ отъ царскаго трона въ свои помѣстья, въ свои родовыя или пожалованныя царицей Екатериной имѣнія, щедрой рукой раздаваемые ею ея фаворитамъ.

Во главѣ служилой Москвы въ то время состоялъ именитый вельможа, царедворецъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, по официальному наименованію: генераль-фельд-

маршалъ, первый московскій генераль-губернаторъ, начальствующій по гражданской части въ Московской губерніи.

За нимъ слѣдовалъ второй московскій военный губернаторъ, увѣковѣчившій свою фамилію въ родномъ отечествѣ передачей ея для опредѣленія нравственнаго облика лицъ известной категоріи, именуемыхъ и доселѣ „архаровцами“, по фамиліи бывшаго второго военного московскаго губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Архарова.

За этими военными губернаторами слѣдовалъ гражданскій губернаторъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петръ Аршеневскій. Онъ губернаторствовалъ надъ губерніей, а въ Москвѣ наводилъ порядки оберъ-полиціи-мейстеръ, генераль-маіоръ Эршель.

Кромѣ означенныхъ облеченныхъ властію лицъ, стоялъ даже впереди ихъ, пользовавшійся не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи неувядаемою славою московскій митрополитъ Платонъ, іерархъ высокаго ума, посвятившій его церковному ораторству, и въ личной жизни усвоившій обычаи Екатерининскихъ приближенныхъ и вельможъ, къ которымъ преосвященный владыка желалъ вполнѣ принадлежать и самъ.

Всѣ эти высокопоставленные должностныя лица города Мос вы вынуждены были принять участіе въ процессѣ барышни Лопухиной. Слѣды этого участія сохранились въ архивномъ дѣлѣ о ней.

II.

Ожиданіе прибытія въ Москву Государя съ Августѣйшей семьей и многочисленной свитой естественно доставляло начальствующимъ лицамъ древней столицы особую заботу о достойномъ приѣмѣ Монарха. Москва чистилась, убиралась, украшалась, какъ невѣста къ вѣнцу. Не только дворцы, казенныя зданія, но и частныя дома, въ угоду Государя, окрашивались въ *казенный цвѣтъ*. Войска безпрерывно маршировали и упражнялись въ искусствѣ ружейныхъ приемовъ на двѣнадцать темповъ и въ другихъ военныхъ экзерциціяхъ, любимыхъ Государемъ Павломъ Петровичемъ. Всѣ были озабочены и всѣ въ душахъ своихъ носили сокровенно тревожный вопросъ: что-то будетъ?!..... Одни боялись паденія, другіе жаждали возвышенія. А держащее начальство, въ ожиданіи Государя, всего болѣе страшилось жалобъ Государю отъ стороны народныхъ массъ.

Вторымъ военнымъ губернаторомъ города Москвы Архаровымъ совместно съ оберъ-полиціймейстеромъ генераломъ Эршелемъ приняты были надлежащія мѣры къ недопущенію „подлыхъ“ людей до Государя.

Графъ Салтыковъ вполне надѣялся на ловкость и распорядительность Архарова, а онъ надѣялся на своихъ „архаровцевъ“. Но „у семи нянекъ всегда дитя бываетъ безъ глазъ“. Такъ случилось и въ данное время.

Если московскіе вельможи и разнаго рода начальствующія лица страшились прибытія Государя, то простой народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Его Величества, при чемъ въ народной массѣ были распространены слухи о томъ, что Государь не благоволитъ къ господамъ, но очень расположенъ къ крестьянамъ и даруетъ имъ волю.

Но не всѣ изъ крѣпостныхъ людей вѣрили этому слуху, и нѣкоторые изъ крѣпостныхъ, пользуясь прибытіемъ Государя въ Москву, приготовили для подачи ему челобитныя на жестокое обращеніе господъ со своими крѣпостными.

Прошеніе подобнаго рода принесено было Государю Императору Павлу Петровичу на дворянскую дѣвицу, дочь умершаго гвардіи капитана, Анну Николаевну Лопухину.

Жалоба на Лопухину принесена была Государю 17 апрѣля 1797 года.

Въ рапортѣ отъ 25-го іюня 1800 года, вслѣдствіе возникшей переписки о дѣвицѣ Аннѣ Николаевнѣ Лопухиной, Архаровъ такъ излагаетъ Салтыкову это дѣло. „Имѣю честь покорнѣйше донести, въ Высочайшее присутствіе здѣсь Государя Императора въ 1797 году апрѣля 17-го числа, отъ крѣпостнаго Лопухиной человѣка Кирилла Савельева подано Его Императорскому Величеству прошеніе съ жалобой, что дворянка дѣвица Лопухина, безъ всякой вины, часто и жестоко наказываетъ и мучитъ его въ домѣ плетью и розгами, приказывая людямъ своимъ взять изъ печи пепла и ротъ онымъ зажимать, чтобы не могъ кричать; а жену его беременную била изъ своихъ рукъ полѣномъ, четырехлѣтняго же сына ихъ сѣкла сама розгами, и сверхъ этого приказывала своимъ дѣвкамъ сѣчь, и послѣ того, взявъ вина, лила ему на спину; трехлѣтнюю дочь поварову сѣкла же немилосердно розгами и потомъ запирала ее зимою въ холодномъ чуланѣ часа на три и болѣе. На послѣдокъ сбила его, Савельева, съ женою со двора и не даетъ имъ никакого провіанта“.

По тѣмъ, давноминувшимъ временамъ, жалоба крѣпостного Савельева не представляла ничего особо-выдающагося, и отношенія барышни Лопухиной къ ея людямъ не представлялись удивительными.

Таковъ былъ духъ вѣка, таковы были нравы, обычаи и отношенія господъ къ своимъ крѣпостнымъ людямъ.

Не смотря на всю тяжесть своего личного характера, несмотря на всю строгость и требовательность свою, Императоръ Павелъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе измѣнить взаимоотношенія господъ и рабовъ, сочувствуя положенію послѣднихъ.

III.

Жалоба крѣпостного Савельева была лично разсмотрѣна Императоромъ Павломъ и передана генералу Архарову для разслѣдованія дѣла и доклада о результатѣ разслѣдованія непосредственно Государю.

Положеніе Архарова было крайне затруднительно. Повести дѣло во вредъ Лопухиной значило возбудить противъ себя всю дворянскую силу, что было очень рискованно.

Представить дѣло въ полезномъ для нея видѣ было еще болѣе рискованно.

Архаровъ въ помощники для разслѣдованія дѣла Лопухиной взялъ частнаго инспектора Акшарумова, и результатъ разслѣдованія оказался не въ пользу обвиняемой. Архаровъ, не ограничиваясь содержаніемъ жалобы крѣпостного Савельева на Лопухину, обвиненіе которой вполне подтвердилось, доложилъ Государю, что, кромѣ Савельева, уличили ее, Лопухину, собственные ея люди тринадцать человекъ въ оказанныхъ отъ нея нестерпимыхъ имъ жестокостяхъ, и что она колола булавками груди и языки своимъ дѣвкамъ.

Послѣдствіемъ этого доклада было Высочайшее повелѣніе „посадить Лопухину въ монастырь безсрочно“.

Высочайшее повелѣніе, конечно, немедленно Архаровымъ было приведено въ исполненіе. Лопухина передана была въ вѣдѣніе Московскаго епархіальнаго начальства, которое и „посадило“ барышню Лопухину въ Московскій Вознесенскій дѣвичій монастырь „безсрочно“.

„Безсрочное сидѣніе“ въ монастырѣ, конечно, не соответствовало: ни нраву, ни обычаямъ, ни привычкамъ ба-

рышни Лопухиной, и она предприняла мѣры и хлопоты къ обращенію „безсрочнаго сидѣнія“ въ монастырѣ — въ срочное.

Въ подтвержденіе этого домогательства Лопухиной, въ дѣлѣ имѣется ея собственноручное письмо къ графу Салтыкову отъ 4-го мая 1800 года.

„Ваше Сіятельство, милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ. Бѣдственное мое состояніе опять побудило меня утруждать Ваше Сіятельство моею просьбою. Три уже года прошло, какъ я все несу несчастную жизнь безъ всякой къ тому причины.

Въ прошломъ году просила я Васъ сдѣлать мнѣ вспоможеніе свободы моей; и по той моей просьбѣ—удостоили Вы меня своимъ посѣщеніемъ, объявивъ мнѣ при томъ, что Вы въ мое состояніе не можете войти по тому случаю, что это было препоручено отъ Государя Ивану Петровичу Архарову; но какъ нынѣ уже Архаровъ въ той должности не существуетъ, по отбытіи его изъ столицы, и, какъ я думаю, что Вы нынѣ единый остались правящимъ, почему и жребій мой долженъ остаться въ Вашихъ повелѣніяхъ; то въ такомъ случаѣ, я нижайше прошу Ваше Сіятельство, подать мнѣ руку помощи.

Лишена будучи свободы и имѣнія и матеріальныхъ денегъ, должниками моими не отдаваемыхъ мнѣ, что единственное составляло мое пропитаніе, думаю небезызвѣстно Вашему Сіятельству о разграбленіи въ моемъ домѣ имущества въ прошедшемъ Февралѣ мѣсяцѣ; удовлетворенія же я никакого объ отысканіи моего имѣнія не получила; а только въ частномъ судѣ, по допросѣ моихъ людей въ той покражѣ признался подавшій на меня просьбу Государю, почему тотъ судъ рѣшилъ отослать его и прочихъ людей въ уѣздный судъ. Но откуда они изъ подъ караула выпущены, а почему—мнѣ неизвѣстно. А какъ домъ мой и имѣніе мое описать и запечатать приказано было Архаровымъ, не взявъ отъ меня на то согласія,—опись же—сколько я о томъ ни просила, но мнѣ оной не давали; а нынѣ мнѣ оную прислали, которая съ моей описью несходственна, но и то покрадено; а потому я теперь считаю себя болѣе всѣхъ въ свѣтѣ обиженною и притѣсненною, лишенной послѣдняго куска хлѣба. Просить же правосудія вездѣ загражденъ путь мнѣ.

Ваше Сіятельство, чувствительнѣйше прошу сдѣлать милость войти въ мое столь плачевное состояніе не оста-

вить меня Вашею помощью о свободѣ или запретить задерживать мои просьбы Императору, которыхъ я уже четыре раза посылала, но ни которая до Петербурга не доходила.

Надѣясь на милосерднаго и правосуднаго нашего Монарха, . . . что онъ не попуститъ столь жестоко—сверхъ его приказаній притѣснять. Но единый близкій врагъ мой желаетъ лишить вѣчно меня свободы, отнявши у меня пропитаніе.

Но Всевышній услышитъ вопль мой къ Нему и объ оставшихъ врагахъ моихъ.

Вашего Сіятельства, милостиваго государя,
покорная во услугахъ несчастная дѣвица Анна
Лопухина.

Отъ 4-го Маія 1800 года.

IV.

Прежде этого письма Лопухиной, графъ Салтыковъ получилъ изъ Петербурга отъ генераль-прокурора Обельянинова слѣдующій запросъ, касающійся Лопухиной.

Милостивый Государь,
графъ Иванъ Петровичъ!

По вѣдомости, доставленной ко мнѣ при почтеннѣйшемъ сообщеніи Вашего Сіятельства отъ 12-го прошлаго Марта, показана въ содержаніи съ 797 года въ Вознесенскомъ монастырѣ г-жа Лопухина за жестокіе поступки съ дворовыми ея людьми.

По нѣкоторому обстоятельству, нужно мнѣ имѣть полное свѣдѣніе: какіе именно жестокіе поступки учинила, надъ кѣмъ, въ какое время, гдѣ и по какимъ случаямъ? Почему оное открылось, было ли гдѣ произведено о томъ изслѣдованіе, на какомъ основаніи и по какому донесенію послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе о содержаніи ея въ Вознесенскомъ монастырѣ, съ срокомъ или безъ онаго; а потому покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство приказать меня увѣдомить, равномѣрно о нынѣшнемъ ея поведеніи. Въ прочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостиваго государя Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Петръ Обельяниновъ.

С.-Петербургъ

Апрѣля 14-го дня

, 1800 года.

Его С-ву, графу Салтыкову.

На этотъ запросъ Салтыковъ отвѣтилъ Обельянинову бумагой отъ 24 апрѣля 1800 года, что дѣло Лопухиной, по Высочайшему повелѣнію, велось Архаровымъ, и что въ бытность въ Москвѣ Государя Салтыковъ имѣлъ счастье докладывать Государю о Лопухиной и Государь Императоръ приказать изволилъ продолжать содержать Лопухину въ ономъ монастырѣ безсрочно.

Затѣмъ 27 апрѣля Салтыковъ собранныя по дѣлу Лопухиной свѣдѣнія представилъ Обельянинову, добавивъ въ донесеніи: „что касается до теперешняго ея поведенія, то оно одобряется“.

При поддержкѣ Салтыкова и Обельянинова Лопухиной дарована была свобода. На имя Салтыкова послѣдовало Высочайшее повелѣніе „объ освобожденіи содержавшейся въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ дѣвицы Анны Лопухиной съ тѣмъ, чтобы отдать ее подъ присмотръ ближайшихъ родственниковъ, съ продолженіемъ опеки надъ ея имуществомъ“. „Сидѣнье“ въ монастырѣ дѣвицы Лопухиной продолжалось три года.

Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи ея изъ монастыря послѣдовало чрезъ генераль-прокурора Обельянинова на имя перваго военнаго московскаго губернатора, начальствующаго по гражданской части въ Московской губерніи Ивана Петровича Салтыкова, который о полученномъ Высочайшемъ повелѣніи, 19-го мая 1800 года извѣстилъ московскаго митрополита Платона и того же числа получилъ отъ владыки, за собственнымъ его подписомъ, слѣдующій отвѣтъ:

Свѣтлѣйшій графъ Іоаннъ Петровичъ,
Милостивый Государь мой!

По письму Вашего Сіятельства и по объявленіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я приказалъ, дѣвицу Анну Лопухину, содержащуюся въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, освободить и отослать ее къ здѣшнему господину гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Аршеневскому. О чемъ извѣщаю Ваше Сіятельство, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю, Вашего Сіятельства милостиваго государя усердный богомолецъ Платонъ митрополитъ Московскій.

Маія 19-го дня 1800 года.

V.

Трехлѣтнее „сидѣніе“ въ монастырѣ не научило Анну Николаевну Лопухину духу кротости. Вступивъ по освобожденіи изъ монастыря въ свой боярскій домъ, Лопухина снова проявляетъ свою, несвойственную ея полу, жестокость въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1801 года, къ Салтыкову поступаетъ новая жалоба на жестокость Лопухиной къ своимъ крестьянамъ, которая гласитъ слѣдующее:

Сіятеильнѣйшій графъ, милостивый государь! Снисхожденіе Вашего Сіятельства къ ищущимъ покровительства Вашего питаетъ меня надеждою обрѣсти въ особѣ Вашей справедливаго предстателя.

Вашему Сіятельству извѣстно за что госпожа моя дѣвица Анна Николаевна Лопухина находилась въ Московскомъ монастырѣ, съ прошлаго 1800 года по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, даннаго Вашему Сіятельству, изъ онаго монастыря выпущена съ тѣмъ, чтобы къ имѣнію ея учредить опеку, а ее саму отдать подъ присмотръ ближайшихъ родственниковъ. Но нынѣ родственники, зная ея характеръ, отъ принятія ея къ себѣ подъ присмотръ отrekliсь. Московская же дворянская опека опредѣлила не только къ имѣнію ея, но и къ ней опекуна только одного начальнаго господина Алексѣя Ивановича Мельгунова, а послѣ его — господина Никифора Егоровича Филипповича.

Сей послѣдній опекунъ, несогласно съ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ и Вашего Сіятельства предписаніямъ, позволилъ госпожѣ моей жить особо въ наемномъ ея домѣ, по ея волѣ далъ еще ей людей крѣпостныхъ ея—мужеска и женска пола шесть чело-вѣкъ, въ томъ числѣ моихъ двѣ малолѣтнихъ дочери, одна семи, а другая четырехъ лѣтъ, подъ видомъ будто для услугъ; но возможно ли отъ таковыхъ малолѣтнихъ быть услугамъ.

И она—госпожа моя, не уменьшая прежней своей злобы, и нынѣ безчеловѣчно бьетъ и мучитъ безвинно, почему я неоднократно просилъ господина опекуна, дабы онъ малолѣтнихъ дочерей моихъ взялъ обратно отъ госпожи моей и отдалъ мнѣ на воспитаніе; такъ какъ я съ женою, по данному отъ него спекуна паспорту живу на волѣ

и плачу оброку по 25 руб. въ годъ, или продалъ меня съ семействомъ кому-нибудь.

Но господинъ опекунъ, не чувствуя безчеловѣчнаго мученія и не внемля прошенія моего оставилъ малолѣтнихъ дочерей моихъ у госпожи моей въ безчеловѣчномъ мученіи, и не приѣмля отъ меня оброку текущаго мѣсяца 25 числа, прислалъ ко мнѣ на квартиру подводы, дабы меня съ женой увести изъ Москвы, за неимѣніемъ у госпожи моей деревень, въ Тульскую Его Сіятельства князя Гаврилы Петровича Гагарина въ деревню, неизвѣстно мнѣ для чего, безъ всякой моей виновности. При томъ же—я многимъ людямъ долженъ.

По симъ несчастнымъ обстоятельствамъ, всепокорнѣйше Ваше Сіятельство, согласно Высочайшему повелѣнію, прошу, дабы госпожа моя малолѣтнихъ дочерей моихъ безчеловѣчно не мучила, повелѣтъ отобрать и отдать мнѣ на воспитаніе; а мнѣ съ ними и съ женою позвольте жить по паспорту—на волѣ, съ платежемъ оброка по 25 рублей въ годъ, или продать меня съ семействомъ кому-нибудь, а въ деревню посылать запретить и тѣмъ избавить меня съ семействомъ отъ безчеловѣчнаго мученія. Вашего Сіятельства, милостиваго государя покорнѣйшій и всенижайшій госпожи дѣвицы Анны Николаевны Лопухиной служитель Акинфій Яковлевъ.

Февраля дня 1801 года.

Жалоба Акинфія Яковлева передана была оберъ-полиціймейстеру Эршелю для разслѣдованія, и онъ разслѣдовалъ и донесъ, что „госпожа Лопухина обходится съ людьми и малолѣтними дочерьми Яковлева такъ, какъ должно, и тиранства никакого не дѣлаетъ“.

Согласно этому донесенію оберъ-полиціймейстера, Анна Николаевна Лопухина избѣгла повторнаго сидѣнья въ монастырѣ, но она не успокоилась и сама начала большое дѣло противъ опекуновъ, о разореніи ея имущества и разнаго рода убытковъ, причиненныхъ ей опекунами.

Такъ судьбѣ угодно, со временъ Петра Великаго до дней нашихъ, нѣкоторыхъ членовъ фамиліи Лопухиныхъ сдѣлать предметомъ волненій русскаго общества.

Н. И. Соловьевъ.

